

Граница нормальности

Рассказы

16+

Ч.Цыбиков
Ц.Жигмытов

ЧИНГИЗ ЦЫБИКОВ

Граница нормальности

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Цыбиков Ч. Г.

Граница нормальности / Ч. Г. Цыбиков — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Сборник рассказов. Фантастика, юмор, мистика и городские сказки. Рисунок на обложке: "Матч", художник Дмитрий Исакевич (imraga).

Содержание

Белочка	5
Бессмертные	10
Волк-убийца	11
Сван	16
Никита и человечки	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Белочка

«Я вроде как это рассказывал уже...

На дворе 199.. год, больница номер 69. Дежуриим. Привозят абсолютно белого мужика, весь в царапинах и порезах, к тому нет пол-задницы, кровь льет, рваная рана и всё такое.

Мужик – реальный шизик, алкаш, в стадии обострения прыгает с 8-го этажа. Попадает в растущий под домом тополь, его пружинит и на уровне 3-го этажа он влетает в чьё-то окно. Выбивает собой раму, естественно. Падает в полном шоке на пол. Из соседней комнаты выходит мраморный дог и откусывает (молча) ему половину ж..ы. Хозяйка прибегает на крики, вызывает скорую.

Мужик после этого женился, поменял работу, вообще вышел из кризиса.

Собаки – рулят».

(Doctor)

«Жалобы: боль в области раны, кровотечение, слабость, боль в спине и во всём теле. Со слов больного, во столько-то часов... <...>.

Объективный осмотр: состояние тяжёлое, сознание ясное, кожные покровы бледные, язык сухой, обложен серым налётом, *pulm* – дыхание жесткое, хрипов нет. ЧДД – 20 в мин. Сог. – тоны ясные, ритмичные.

Живот – мягкий безболезненный, доступный во всех отделах.

Стул и диурез – без особенностей

Нервная система D=S. Реакция на свет живая, менингеально-отрицательная.

Локально: рвано-кусаная рана левой ягодицы, обильно кровоточит, края неровные.

Пальпаторно: болезненность грудной клетки, подкожные гематомы мягких тканей грудной клетки, бедер.

Изо рта запах алкоголя, речь невнятная, движения дискоординированные.

Диагноз.

Ушиб ГрК, рвано кусаная рана ягод. области. Геморрагич. шок, алк. опьянение».

(Из анамнеза).

...Самое унижительное занятие после запоя – это рыскать по квартире в поисках несуществующей заначки. Настоящему, дальновидному алкоголику – себя не обманешь, да, алкоголику – такая ситуация знакома до боли в надбрюшье; китайцы утверждают, что именно там у нас находится стыд.

Стол завален исписанными листами бумаги. А где комп?... Плохо, плохо. Значит, я писал от руки. Писать – в разы медленнее, чем печатать, а время для меня – это всё. Значит, я написал в пять раз меньше и в десять раз слабее, чем должен был. И почерк стал поганый совсем. Плохо. Зря.

Я пошел на кухню, разбирая на ходу с листа.

– Мы с тобою там и тут светлы. Наши шеи не берут петли. Шиты головы к телам прочно, но без эшафота нам – скучно...

Стивен Кинг всю жизнь боролся со своими кошмарами, и продолжает бороться. Но я не хочу писать кошмары, у меня нет жены, которая меня вытащит, я хочу писать стихи, а на краю зрения густеют тени. Я хочу водки, портвейна, вина, агдама, мартини, катанки, паленки, бухла, бухла, бухла, а за спиной кто-то с кем-то шепчется.

Я швыряю туда стул.

Некоторое время стоит тишина, и это еще страшнее. Наконец я сдаюсь и говорю – ладно, черт с вами, шепчитесь, но только, сука, не громко! Это будто бы я с ними такой весь на дру-

жеской ноге и запанибрата. Я знаю, что у меня должен быть делирий, – я алкаш, я после запоя, и я трезв, трезв как стеклышко, сука, сука, сука, сухой как лист, сука!

А, черт, что включай весь свет в квартире, что сиди в полной темноте – один хрен. Один хрен придет ко мне гигантская рыжая белочка с огромным орехом под мышкой, постучится в дверь, улыбнется – два резца в локоть длиной:

– Как дева, бватишка?

– Хо-хо, – отвечу я, – дела отлично, только вот выпить нечего.

– А это нифефо, – скажет белочка ласково, – вато поговорить мовно новмавно.

– Давай, поговорим, – соглашусь я.

– Да ты не бвойфя, – скажет она и улыбнется еще шире, – я добвая бевочка. Я ф у тебвя певвая. Фто ф я, зевь какой.

И мы оба заржем над этой исключительно уместной шуткой.

Белочка не пришла, голоса исчезли. Квартира выглядела как обычно. Было пусто и уныло, как будто помер кто.

Зачем я об этом подумал.

Я потряс головой и вытаращил глаза. Я таращил их сильнее и сильнее, чтоб видеть... да что угодно, только не свой собственный труп в соседней комнате. Отличный свежий труп, между прочим. Алкогольная интоксикация. Завтра-послезавтра начнет разлагаться. Через неделю запах дойдет до соседей, они вызовут милицию и скорую. Те выломают дверь и, морщась, упакуют мое тело в черный пластик. Квартира опустеет, и только грустная ничья белочка пройдет по квартире, погрызет орешки, песенку споёт, да и свалит.

В подъезде завывла собака.

Да какое в подъезде – прямо под моей дверью. В ноздри ударил тошнотворный запах.

Я повернул лампу так, чтоб она получше осветила дверь в спальню.

Собака продолжала выть. Я с интересом крутил лампой, освещая разные углы кухни. Судя по обертонам – это была талантливая собака. Выла она басом. Мой друг Серега Х-ов похоже поет, когда напивается, только не так прочувствованно.

Вой собаки приблизился

Теперь она выла в моей квартире. Прямо в прихожей. За углом. Я слышал в паузах тяжелые вдохи и легкий стук когтей по полу.

Страх не было.

В соседней комнате лежал мой сгнивший труп. Я находился в другом мире, и надо было постигать его законы.

Я посмотрел на окно.

Есть такое понятие – генеральная проверка.

Собака заткнулась. Я услышал ее шаги; стуча когтями, собака пересекла прихожую и заглянула ко мне на кухню.

Лампа погасла.

В лунном свете стояло чудовище из детства – собака Баскервилей.

Я уже стоял на подоконнике, а пальцы рвали шпингалет. Собака, сияя фосфором, там и сям наклепленным на ее теле, не двигалась. Затем повела носом – я успел подумать, что она слепая – и зарычала.

Я уже стоял за окном, держась только за раму. Попытался дотянуться до телевизионной антенны соседей.

Антенна прошла сквозь мою руку.

Дважды.

Собака уперлась передними лапами в подоконник. Я нависал над двором с высоты восьмого этажа.

Собака гавкнула.
Я отпустил раму и прыгнул.
Я улыбался.

Восьмой этаж – это гарантия. Генеральная проверка обещала быть успешной.
Я летел вниз головой. Что-то больно ударило в бок. Затем на этот же бок обрушились еще удары, насколько частые, что слились в один. Удары переместились в область спины, под конец меня так крепко приложило, что я едва не потерял сознание.

На секунду я замер.
И полетел куда-то вверх, воя от боли.
Обратно.

В лунном свете я видел, как ко мне приближалось освещённое окно; я летел в него по точной параболе, как умная американская ракета во время «Бури в пустыне». Конечно, никто меня там не ждал. Ударился плечом в раму, зазвенело стекло, рама влетела в комнату вместе со мной; я грохнулся на пол, а осколки падали на меня. Я лежал на спине, крепко зажмурившись, прикрыв одной рукой голову.

Наконец звон затих.

Некоторое время я лежал не шевелясь. Потом попробовал пошевелить ногами. Ноги слушались. Я попробовал повернуться и заорал.

Бока и спины не было. Отдышавшись и действуя очень осторожно, я проверил правую руку.

И снова заорал.

– Вы напрасно так шумите, – сказал кто-то.

Я осторожно повернул голову. В полутора метрах от меня сидела собака, но не та, которая сбросила меня из окна. Эта была другой породы, что-то вроде бульдога, но много крупнее и в то же время изящней. Я, неудобно задрав голову, осмотрел комнату. Никого, кроме этой собаки, рядом не было. В ванной кто-то принимал душ.

– С-сука, – сказал я.

– Кобель, – холодно заметила собака.

– Белочка, – сказал я. – Пришла всё-таки, родная.

– Сами вы белочка, – печально ответила собака-кобель. – Я боксёр. Согласен, дурацкое название для породы. Хотя... – он встал на задние лапы, а правой передней сделал несколько выпадов, имитируя при этом уходы; затем снова сел по-собачьи. Аааааааааа, подумал я. В голове вертелось "...не корысти ради, а токмо волею пославшей мя жены". Все-таки я много читал в детстве.

– Вы везучий, – сказал боксер. Был он степенный, обстоятельный, внушающий доверие. Похож на моего психоаналитика. Когда у меня был психоаналитик. Был. Ключевое слово – был. Хотя всё равно по первой специальности он был травматолог; может, поэтому ему не удалось мне помочь.

– Вы хоть поняли, что с вами произошло?

Я помотал головой, очень осторожно.

– Вы упали на дерево, – объяснил боксер, – дерево не сломалось, а согнулось, потом разогнулось и швырнуло вас сюда на манер катапульты. Это третий этаж, соседний подъезд. Вы очень везучий.

– Но мертвый, – я вспомнил про свой труп в моей квартире. И про запах тоже вспомнил.

– Нет, вы живы, – снисходительно сказал боксер, – то был обычный бред, во время делирия и не такое привидится.

– Это точно, – поддержал я. – Говорящие собаки, к примеру.

Боксер повернул голову в сторону двери и гавкнул. Как будто кого-то позвал, но никто не появился.

– Ватсон, – позвал боксер по-русски.

Ватсон.

Раздался шум, как будто что-то тащили по полу. Затем в комнату вошли. Я сначала не понял, что это вообще такое появилось – без головы, с пятью ногами, влажное и в тряпках. Потом это фыркнуло, чихнуло, и картинка сложилась.

Это была давешняя собака Баскервилей. Ватсон. Он был раза в два крупнее боксера, с короткой белой в черных пятнах шерстью. Теперь он головой упирался в банное полотенце, лежавшее на полу, и толкал его перед собой, при этом он вертел мордой, избавляясь от воды и остатков фосфора.

– Ватсон, дьябл, – сказал боксер, – у нас гости. Ведите себя прилично.

Ватсон поднял голову. Полотенце повисло у него на морде, придав ему весьма глупое выражение.

– Ватсон, – повторил боксер досадливо.

Ватсон коротко махнул головой – полотенце перелетело в кресло. Затем он посмотрел на боксера.

– Ватсон, дьябл, – сказал боксер, – вы привели наконец себя в порядок?

Тот кивнул, совсем по-английски – сухо и коротко.

Дьябл.

– Это у вас что? Испанский? – спросил я.

– Нет, – ответил боксер. – Дьябл – это по-русски. Это анаграмма одного знакомого вам слова.

Ватсон с сомнением поглядел на меня и тихо гавкнул.

– Ах, да... Гм... В общем, это когда буквы в слове переставлены, – сказал боксер.

Я обиделся. Пару секунд я думал, как бы поехиднее ему ответить, но ничего не придумав, грубо сказал:

– Я знаю, что такое анаграмма... мистер Хер Локшолмс.

– И вы туда же, – скучно ответил боксер. – Разумеется, если мраморного дога зовут Ватсон, то боксера, естественно, зовут Шерлок Холмс. Ватсон, скоро вы там? Я потерял интерес к нашему гостю, отдаю его на ваше попечение.

Я сцепил зубы и попытался дотянуться до ножки ближайшего стула. Мне вовсе не улыбалось сделаться игрушкой для мраморного дога чуть не в полтора метра ростом.

– Да вы не волнуйтесь, – сказал боксер. – То, что он с вами сейчас делает, никакого удовольствия ему не доставит.

Я посмотрел на Ватсона. Тот снова сухо и коротко кивнул. От этого я почему-то слегка успокоился.

– Это просто его долг, – продолжил боксер. – Как врача.

Ватсон гавкнул и вышел из комнаты.

– Юмор, – сказал боксер. Он подошел к полке, стал на задние лапы и вытащил оттуда за ремешок небольшой бинокль. Положил аккуратно на пол. Затем сдернул с кресла маленькую подушку и положил ее на подоконник, усыпанный стеклом и листьями. После этого взял бинокль и уместил его на подушке, неловко помогая себе лапами. В конце концов он засунул обе передние лапы под подушку, наклонил ее вперед и уставился в окуляры.

– Пора, – сказал он. Бинокль соскользнул и крепко стукнулся сначала об подоконник, затем об пол. Я вздрогнул.

– Ничего страшного, – сказал боксер. – Не впервой.

Появился Ватсон. В зубах он тащил бутылку коньяку.

Это было уже слишком.

Дог, осторожно ступая среди осколков, подошел ко мне, поставил бутылку прямо перед моим носом и гавкнул.

– Ватсон просит вас помочь ему открыть бутылку, – сказал боксер. – Если вы ее подержите, то он выдернет пробку.

Ага! Одной рукой я покрепче схватился за бутылку, дог ловко ухватил зубами пробку и вытащил ее.

Коньяк.

Бухло.

Аааааааааааа.

– С-спасибо, – сказал я, осушив бутылку почти на треть. – Правда, спасибо.

Обе собаки сидели рядышком, наблюдая за мной.

– Я бы на вашем месте не торопился с выводами, – заметил боксер. – Этот коньяк вовсе не жест доброй воли. Это анестезия.

Я замер – хотя и до этого не сказать чтобы уж прямо сильно шевелился. Что значит – анестезия?

– Ватсон, прошу вас, – сказал боксер. На меня он не смотрел.

Дог подошел ко мне и, схватив зубами за брючный ремень, перевернул на живот. Я орал как резаный – и рассчитывая на то, что кто-нибудь услышит, и от дикой боли в спине и боку. Затем Ватсон встал на меня двумя передними лапами, одну он поставил на ногу, а вторую на спину – я заорал еще отчаяннее. Нечеловеческим усилием вывернув шею, я увидел, как аккуратным и хирургически точным движением проклятая тварь лишила меня половины задницы.

Ненавижу Англию, подумал я.

И потерял сознание.

Огромная и какая-то особенно круглая луна висела над летним городом. Возле подъезда дома разгорался скандал. Его могло и не быть, если бы милиция и фельдшер с медбратьями были порасторопнее и укатали бы чуть пораньше, но несколько соседей уже покинули свои постели и вовсе не собирались туда возвращаться без того, чтобы высказать свои претензии.

Боксёр и Ватсон чинно сидели на балконе. Перед ними было множество раскрытых журналов. Собаки, одинаково наклонив головы, прислушивались к шуму снизу. Как обычно, соседи прекрасно справлялись с врагами и без них. Голоса утихали – милиция вслед за скорой покинула двор.

Ватсон, шкрябнув когтями по глянцевой бумаге, перелистнул журнал и внимательно уставился на следующую страницу. Боксер смотрел на луну и изредка что-то шептал в лежащий на табурете диктофон.

Бессмертные

(В.Карпов)
Мы с тобою там и тут
Светлы.
Наши шеи не берут
Петли.
Шиты головы к телам
Прочно,
Но без эшафота нам
Скучно.
На работу каждый день
Слепо.
Мы уже забыли цвет
Неба.
Кто-то едет отдыхать
В Нищу.
А у нас одна беда —
Спиться!
Кто ведет меня с тобой
В пропасть?
Это точно не любовь,
Просто
Слишком страшно не писать
Песен.
А для целой жизни я
Тесен.
...И со скукой смертной нет
Сладу.
А спокойствие, оно
Рядом.
Только дайте нам любовь
Срочно.
Мы бессмертные с тобой,
Точно!

Волк-убийца

Вообще говоря, волк пока что не был убийцей. Но очень хотел им стать. Так часто бывает: подростковый максимализм, гормональный шторм, и вот юное существо даёт себе клятву ни-в-чём-ни-в-чём не походить на своих родителей, и определённое время это (не походить на родителей) ему (юному существу любого пола, вида и семейства) даже удаётся. Некоторые в этом состоянии умудряются ожениться, наплодить детей и благополучно умереть в счастливом осознании того, что Клятва В Углу Коленями На Горохе выполнена на все сто.

Но основная масса через энное время начинает маяться.

Волк-убийца маялся.

– Чего ты маешься, – говорил ему его друг, олень. – Пойдем лучше кору жрать ивовую.

Волк с плачем бросал в изящного тупицу смерзшимся снегом. Олень, хмыкая, убежал к реке и ивам. Он, в отличие от волка, жил в полной гармонии с собой – был мощен, красив, рогат, жрал мох, кору и подьедал хомячьи запасы, потому что стояла зима и было не до церемоний. Дружба же с волком у него не вызывала никакого диссонанса, потому что олень был туп, как и любой веган.

Расставим же декорации, обрисуем ситуасьон, в общем, закрутим короткую, но тугую пружину нашего рассказа. Волк, в принципе, жил бы не тужил, если бы злосчастный волчий фатум регулярно не подкидывал ему испытаний его убийцевости. Вот и сейчас волк услышал, затем почуял, а затем и увидел, пробежавшись чуток на запах, двоих детишек, что попёрлись за каким-то лешим в лес зимой. После чего, естественно, заплутали и теперь жгли костёр под небольшим холмиком, предположительно в ожидании помощи. Волк и олень сидели, урбанистически выражаясь, за углом этого холма, и ждали неизвестно чего. Волк тосковал; вот он, шанс стать убийцей, а он опять его прошляпит. Прошляпит-прошляпит, сомнений нет. Олень же всячески старался его подбодрить.

– Давай я их убью, – сказал он. – Забодая нафиг, как весной. А всем скажем, что это ты.

– Пшёл вон, – тоскливо сказал волк. Дым тревожил его ноздри. Слышен был детский смех – старший дитё развлекал младшего прыжками через костер.

– Или давай я на них дерево обрушу, – олень его не слушал. – А всем скажем...

– Тихо, – сказал волк.

Олень поднял уши, затем выдохнул.

– Дурак ты, волчара, и шутки у тебя дурацкие.

– Показалось, – мрачно ответил волк.

Ему и правда показалось чего-то, какой-то шум на границе слышимости – то бишь километрах в семи-десяти отсюда.

– Там в силке у людского места опять заяц, – сказал олень. – Сходим? Пожрёшь. Жирный.

Волк покачал головой.

Помолчали.

Олень впал в задумчивое настроение.

– Да как вообще так получилось-то, а, волчара?

Это был любимый вопрос дурака оленя.

Волк прикрыл глаза.

– Блин, отвали, а, – сказал он плаксиво. – Сто раз ведь рассказывал.

– Рассказывал, но не объяснял, – веско сказал олень. – Ну?

– Я видел, как мама загрызла выводок рысят, – сказал волк. – Рысята маленькие были, а она их рраз, рраз, рраз – одного за другим. Я убежал и не вернулся домой. Вот здесь теперь и живу. И убивать не могу. А надо.

– Детёнышей убивать нельзя, – важно сказал олень. Это тоже стало почти ритуальной фразой. – Мы вот даже больных не убиваем. Мы их оставляем чуть в стороне от стада, и их кто-нибудь другой убивает. Мудро? Мудро.

– Ага, – саркастически ответил волк. Олень подскочил вдруг:

– Слу-ушай! А что если их тоже оставили? А? А? Чтоб ты их, значит, того?

– Совсем плохой? – сказал волк. – Люди, они детей не убивают. Даже вот так.

– Не вижу, почему бы им не убивать вот так, – сказал олень.

Волк выглянул из-за укрытия. Дети с хохотом играли в снежки, снег взметался искристым туманом.

– Да они здоровые, – сказал он тоскливо.

Волку надо было кого-нибудь убить. Зима кончалась, в тайге и окрестностях уже стоял март, и даже, кажется, понедельник. Соответственно волк был крайне голодным, отошавшим и ослабевшим. О том, чтобы волку сожрать оленя, и речи быть не могло. Во-первых, друг, а друзей не жрут. Во-вторых, он его одним левым задним копытом. Не глядя. Мимоходом. На хомячьих харчах и ивовой коре олень даже, кажется, раздобрел, скотина рогатая.

– Нечего на меня таращиться, – сказал олень. – Раньше надо было думать. Осенью. Когда я был дурак и влюблён.

– А сейчас ты не влюблён? – коварно спросил волк.

– Нет, – простодушно ответил олень. – Сейчас я не влюблён.

Как всегда, этот ответ поверг волка в пучину веселья. Он опрокинулся на спину и залаял от смеха, болтая в воздухе всеми четырьмя лапами.

У костра старший замер.

– Тихо, – сказал он младшему.

– Мама идёт? – спросил тот.

Старший хлопнул его по шапке и прислушался.

– Собаки, что ли?

– Сам ты собака, – заметил волк из укрытия. – Ужо я вам.

И лёг обратно, думать.

– Нору копают, – заметил олень через некоторое время.

Волк приподнялся посмотреть.

Дети, взяв в руки широкие таёжные лыжи, раскапывали снег, углубляясь в холм. Шишки-иголки, подумал волк, да они же ночевать здесь собрались. Ночевать, на полном серьёзе.

– Откуда они знают про пещеру? – подумал олень вслух.

Ну за что мне такое наказание, подумал волк.

– Ы, – сказал он.

– Придумал? – спросил олень.

– Придумал, – соврал волк. И начал взбираться на холм, зачем – и сам не зная. Олень за ним не пошёл, боясь провалиться в наст и повредить ноги; он стал обходить холм, держа волка в поле зрения.

На вершине обнаружился огромный камень. Камень был покрыт мохом, снегом и льдом. Волка осенило.

– Как ты толкаешь, – закричал олень снизу. – Надо отойти и с разгону лбом.

– Ага, щас, – сказал волк, пыхтя. – Чтоб таким же дураком всю оставшуюся жизнь...

Камень не поддавался.

Дети тем временем наломали лапника и соорудили защиту от ветра, аккуратно перенесли костер в укрытие, и теперь сидели прямо под ногами у волка. Идея с камнем на глазах обретала проблески гениальности.

– Иди сюда, – сказал волк оленю. Тот сделал вид, будто не слышит, отвернулся и начал обгрызать ближайшую сосну.

– Иди сюда, кому говорят, – прикрикнул волк.

Олень начал гордо удаляться.

– Скотина, – произнёс волк с чувством.

Постоял, повёл носом.

И, клацнув зубами, шарахнулся в сторону и вниз.

– Резкий, сволочь, волчара, – удовлетворённо сказал медведь.

Он был уже старый, поэтому ему и выпало в этом году быть шатуном. Свои обязанности он исполнял исправно, задрал уже двух коров, терроризировал соболятников, доводил до белого каления высланных на его поимку охотоведов. Охотovedы все как один жили в Усолье, приезжали сюда, в тайгу, крайне неохотно, и по первому же поводу – например, отсутствию командировочных – уезжали обратно.

– А ты б ещё дольше копался, – хладнокровно ответил волк. – Супружница твоя, мяса и ягод ей на небесах, в спячку и то шустрей ворочалась, чем ты тут лапами разводишь, коровник старый.

Это было точным ударом. Несмотря на свою полную отмороженность, медведь-шатун покойную свою медведицу любил – по-своему, конечно, по-медвежьи. И теперь засопел от злобы, встал на задние лапы, заревел в голос.

В укрытии дети лежали недвижно, прижавшись друг к другу, ощущая лишь бешеное биение своих сердец. Старший знал: им конец. Медведь, который пришел на дым костра, не может быть подснежником – то есть рано проснувшимся медведем. Это шатун.

– А ты, ты, – медведь встал на четыре лапы. – Ты оленивод!

– Гуляй, – презрительно бросил волк. – Посвежее чего-нибудь придумай, если успеешь.

А то вон охотники уж по твою душу выдвинулись, слышишь?

Медведь повёл огромной башкой из стороны в сторону.

– Нет уже никаких охотников, – сказал он. – Я за детишками пришёл. Вку-усными детишками, за ними я пришёл. Амгр.

– Нет здесь никаких детишек, старое ты червячное дупло, – сказал волк. – Ты уже старый костер от свежего отличить не можешь, и уходящего следа от приходящего.

И отвернулся равнодушно, а сам замер, следя за медведем. Был шанс, что шатун просто наткнулся на их след и пошёл в одну сторону, не разбирая, откуда и куда они ведут.

– Вкусные детишки, амгр, – пел медведь.

Шанс не сыграл. Наверняка следил за ними от дороги, если не от самой деревни. Ходил вокруг, порывивал, пугал, пока они окончательно не заплутали.

Ну что ж.

Волк повернулся, демонстративно зевнул и потрусил по следу за оленем. Поболтать на ночь, зайца из людского силка съесть, да и баиньки. Он знал, что медведь следит за ним маленькими чёрными глазками недоверчиво, и не шелохнётся с места, пока не перестанет его чувствовать.

Но нет. Не судьба.

Протрусив – ах чёрт, до чего же удачное слово – несколько шагов, волк замедлил движение, затем и вовсе встал. Повернулся и развязно пошкандыбал обратно.

Медведь его ждал.

– Вкусные дети, – сказал он. В груди шатуна медленно рождался ужасающий низкий рокот, от которого каждая шерстинка на теле волка вставала дыбом.

– Дети – мои, медведь, – официальным тоном сказал волк.

– Мои, – рыкнул медведь коротко. – Тебе они незачем.

– Я волк-убийца, – напомнил волк. – Я их выследил, я их убью, я их съем.

– Ты не убьешь, – сказал медведь. – Ты не сможешь.

Он уже спустился с холма и они ходили медленно обрисовывающимся кругом, глядя в глаза друг другу. В нормальной жизни волк, если это не волчица с волчатами, ни за что не

станет связываться с медведем, по понятным причинам. Покусать ты его покусаеть, а до горла всё равно не добраться. Но сейчас – сейчас дело другое. Зимой шея не защищена толстым слоем жира, а преимущество в массе уравнивалось волчьей скоростью.

Шанс был.

Они долго, очень долго топтали этот круг. Медведь боялся напасть, потому что тогда придётся открыться, а волки – они резкие, рванёт артерию и лапой махнуть не успеешь. Вон как он увернулся давеча, буквально из-под когтя ушёл. Так что.

Волк не напал, потому что был не дурак – нападать на медведя.

Наконец медведь сообразил, что время идёт; увидел, как волк издевательски ухмыляется.

– АМГР, – закричал он в злобе. Бросился на волка, но там, куда он кинулся, волка уже не было. Медведь врезался в сосну, завизжал от злобы и страха, начал беспорядочно полосовать воздух когтями вокруг себя, защищаясь от смертельного волчьего выпада. Катнулся в сторону, огляделся.

Волк стоял на холмике и смеялся одними губами.

– Медведь дурак, – сказал он сверху.

Тоже боится напасть, понял медведь.

Ну и к чёрту тогда его, зануду. Медведь тяжело потопал в обход холма, к детишкам.

Сожру обоих сразу, думал он. Может, удастся поспать.

Перед ним стоял волк – на расстоянии броска и даже ближе.

Медведь встал. Осторожно подвинулся вперед, боком, прикрывая шею левым плечом, держа правую лапу скрытой, наготове – цапнуть, подтащить и заломать. Волк не двигался, лишь оскалил клыки свои молча.

Медведь скакнул к нему боком, волк не отступил, прыгнул вверх и вцепился ему в загривок. Шатун мотнул башкой, волк не отцепился, а опасно перехватил глубже; медведь рухнул на спину, волк вывернулся и, бешено рыча, снова прыгнул. Медведь встречал его всеми четырьмя лапами. Волку конец.

И тут шатун увидел огромный камень, покрытый мхом, льдом и снегом – в последнее мгновение полёта. В глубине пещеры блеснули две пары глаз, переполненные ужасом.

Амгр, успел подумать он. Раздался страшный хруст и звук, будто лягушка шмякнулась в лужу. Плеснуло чем-то чёрным, медведь издал короткий крик и издох.

Волк рухнул на бок и, тяжело дыша, с трудом поглядел вверх, на вершину холма.

Оттуда, с быстро светлеющего неба, на него смотрел олень. У него не было левого рога. На изломе куцега остатка быстро набухла капелька крови.

– Я тебе говорил, надо с разгону, – сказал он. – И лбом.

– Вовремя... ты, – сказал волк.

– А то ж, – самодовольно ответил олень. – Я же не как некоторые. Отставшие в развитии и покорёженные в воспитании.

В два невероятных прыжка он спустился с холма. Прилёт рядом.

– Залазь на меня, волчара. Донесу до зайца, так уж и быть. Пожрёшь. Я его не могу снять, как-то хитро он там привязан.

Волк вдохнул, выдохнул сипло и начал забирать лапами, елозя по коричневой спине.

– Эу, – сказал олень вдруг. – А это кто у нас тут.

Двое детишек выбрались из пещеры, смотрели на них во все глаза.

– Это Шоно, волк, – прошептал старший младшему. – Наш покровитель. Он убил медведя, который убил папу и дядю Илку.

– Это ему папа нёс зайца, – сказал младший.

– Теперь мы будем носить, – сказал старший.

– А олень? – прошептал младший. – Он же тоже был.

– Мы будем носить ему соль, – сказал старший. – Он тоже наш покровитель.

– Гляди-ка, кланяются, – сказал олень. – Ну, насколько я понимаю, твоё убийство опять откладывается. Залезай быстрее, у меня ноги затекли.

Сван

Что угодно, но только не причуда. Это во-первых. Потому что какие причуды? Пятнадцать суток нам корячатся, плюс штраф.

Рассказа этого на самом деле не должно было быть. Это во-вторых. Потому что какой смысл рассказывать, если никто не верит?

Но всегда хочется узнать, чем все кончилось.

И это в-третьих – и самое главное.

Вот только чем все кончилось, я боюсь, мы никогда не узнаем. Потому что мы сидим на крыше и не хотим оттуда спускаться. Ведь если мы спустимся, то всё станет ясно.

Попросту говоря – нам страшно.

Друг другу мы в этом не признаёмся. Отчасти оттого, что бояться, формально, нечего, отчасти оттого, что мы пьяны. Но в основном потому, что признавать это глупо. И так всё понятно. Поэтому Тоха говорит хриплым голосом, слегка растягивая гласные:

– Ну что-а па-ашли?

– Канэшна-а! – отвечаю я. И мы снова никуда не идем. Пялимся на звезды и потихоньку трезвеем.

Началось это несколько месяцев назад. С простого вопроса.

– Ты Свана когда видел?

Сван – это не национальность. Сван – это Славка Ванкеев. Красный диплом, внешность ботаника. Гений безо всяких натяжек, с этим соглашались все: деканат, профильная кафедра, одногруппники, одногруппницы, даже у нас на физмате он был достаточно знаменит. И это при том, что ко всем биолого-философическо-филологическим дисциплинам мы относились с известной долей презрения. «Физмат – это я, физмат – это мы, физмат – это лучшие люди страны». Я привез из Москвы и адаптировал эту нехитрую спартачёвскую кричалочку и гордился этим страшно.

Прометей, фактически!

Ну и потом – кто выигрывал университетский чемпионат по КВНу четыре года подряд? Правильно – физмат. Ну то есть мы были умные и веселые, и как следствие, остальные факультеты в наших глазах были не совсем полноценны.

Но Свана мы знали.

Тоха даже говорил мне о том, какое открытие Сван успел совершить на третьем курсе, он всегда отслеживал такие вещи ревниво – до тех пор, пока не осознал, что математиком не будет. Да только я не запомнил, что это за открытие. Капитану университетской сборной КВН нафиг такое знать: мы потому что сами с усами и звезды балета в натуральную величину.

Так вот, не помню, что я ответил на этот простой вопрос. Хотя нет, вру. А хрен его знает, ответил я, пасу я его, что ли. А что? Просто спросил, ответил Тоха. А мне тогда и в самом деле было не до кого-либо. Я только-только устроился на госслужбу, расстался с Мариной, сборная вышла в Первую лигу КВН; в общем, я круто менял жизненные установки, во всяком случае, мне так казалось.

До Свана ли мне было?

А потом мы узнали, что Сван преподает генетику в БНЦ.

– Не, – возражает Тоха хриплым голосом. Хриплым, потому что нефиг было песни орать под гитару и холодную водку. – Сначала был Гонхоноич.

– Только мы доперли не сразу, – говорю я.

– Мы, – язвительно говорит Тоха, и его начинает рвать.

Глядя на него, я тоже начинаю ощущать позывы.

Крыша, ночь, блюем.

Романтика!

Была весна, был март. Если быть точными, то в наших краях март – это не совсем весна. Это зима с лежащим повсюду снегом и чувствительными морозцами. Но вот пахнет вдруг талым снегом и становится ясно – весна. И небо синее-синее. И солнце, и воздух, и свет, и глаза слезятся.

Я не умру в марте, потому что в марте умереть невозможно

Мы с Тохой только что вернулись из Казани, где наша команда разорвала одну восьмую Первой лиги в одну калитку. И встретили Андрюху Тонхоноева. Тоже физматовец. Тонхоноич в ту пору был следаком в Октябрьском райотделе. Если вдуматься, где только нашего брата не встретишь. Опера, торгпреды, начальники, начальнички, госслужащие, ИП-шники, гаишники. Мы всюду. Всемирный заговор физматовцев.

– Чина!

Я обернулся.

– Тонхоноич! Блин!

И мы пошли пить пиво. Такая наша карма. Пиво мы не очень, но напиваемся им регулярно. Потому что никто не сидит просто так и не разговаривает. Хотя бы под пиво...

– ... Ты-то как?

– Да так... Знал бы, какой хренью я шас занимаюсь.

Так у Андрюхи было всегда. Хрень, муйня, козлы и уроды. Но слушать его было интересно, и мы его слушали.

– Работаю по жалобе бомжей, прикинь. В демократию играют, козлы. Дескать, тоже люди.

– А они не люди? – спросил Тоха.

– Нет, – сказал Андрюха. – Какие они люди? Что в них есть человеческого?

– Душа, – сказал я. Мы заржали.

– А на что они жалуются? – сказал я, внимательно глядя, как Тоха строит башенку из кириешек. Несмотря на то, что этот строитель планировал затратить на это сооружение всего две кириешки, получалось у него плохо. Сильно хотелось отобрать у него стройматериалы и попытаться самому.

– ...какой-то, понимаешь, мудак. Поить и кормить буду, говорит. Да тока этим бомжам же ни хрена не надо.

– Нищета развращает не хуже богатства, – сказал Тоха. Скорчил рожу – у него опять упала башня. Андрей некоторое время внимательно смотрел за его потугами, а потом сказал:

– Да! Точно! Боятся они его. А мне что – в засаде сидеть? Ждать, когда он к ним подойдет? И что я ему предъявлю?

«У каждого настоящего ученого должна быть мечта...» – цитирует Тоха. Я смотрю в светящиеся окна дома напротив и чувствую, что начинаю мерзнуть. Как следствие, начинаю трезветь.

– А вот не дождется Рома сегодня коньяка, – неожиданно говорит Тоха и вынимает из сумки бутылку.

И мы продолжаем беседу при звездах.

– У каждого настоящего ученого должна быть мечта. Есть такая мечта и у меня. (Смеётся, журналист улыбается).

– А Сван ничего, телегеничный, – сказал Тоха. Мы сидели у меня и смотрели телевизор. "Восточный экспресс" – есть в нашем городе такая новостийная телепрограмма. На экране аккуратный и чистенький Сван аккуратно и чистенько рассказывал о том, чем он занимается.

– Ох, красавелла, – с сарказмом, за которым плохо пряталась глубокая зависть, сказал Тоха. Так Сван всплыл для нас в третий раз.

– Это было как сужающиеся круги, – говорит Тоха и отпивает с горла.

– В смысле, спираль, – говорю я.

– Круги, – говорит Тоха. – Как акула вокруг пловца.

– Ну это ж спираль, – говорю я.

– Акулы не могут плавать по спирали, – наставительно говорит Тоха.

– Па-ачему? – говорю я.

– Акулы не знают, что такое спираль, – говорит Тоха.

Мне это кажется сильным аргументом, и я молча отбираю у него бутылку.

– Кстати, вот в этом доме живет Сван, – сказал Тоха.

Был месяц май, и мы шли к Роме. Шли не просто так, а по поводу. У него родился сын, и мы, пока жена в роддоме, шли поздравить молодого отца. Несли ему коньяк – до сих пор теряюсь в догадках: реально он ему нравится, или это так... затянувшееся понтерство.

Ему и кальян нравилось курить.

Представляете? Кальян.

Ромка вид имел измученный, будто сам рожал, но нам всё же обрадовался. Быстренько накрыл на кухне, и понеслось.

– ... и район главное хороший, – возбужденно говорил Ромка.

– Ага, – сказал Тоха. – Знаменит тем, что здесь живет сам Роман.

– О-о! А-а! Ы-ы! – вскричал я. – Роман! Сам Роман! Кто такой?! Почему не знаю?!

– Дебилы, – ласково сказал Роман. – Бомжей здесь нет, вот что. Редко-редко забредет кто. А так уж года три я их тут не вижу.

И вот тут Тоха напрягся.

– Да как-то сразу в голове моей связалось. Бомжи и Сван. Сван и бомжи.

Я допиваю бутылку и ставлю её на крышу. Плоская крыша с мягкой кровлей. Сейчас таких в городе практически не осталось. Все пятиэтажки перекрывают шифером, а то и вовсе сооружают мансарды.

Тоха тут же пинает бутылку. Не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы она упала и покатила. Так мы стоим и смотрим, как она катится к краю. Бутылка докатывается до края и исчезает.

– А если кому-нить на голову? – спрашиваю я.

– Если единственное, что человеку мешают жить, так это бутылка из-под коньяка, упавшая на голову... – говорит было Тоха.

И тут снизу начинают орать.

Когда мы вышли от Ромки, Тоха сразу потащил меня к Тонхоноичу.

– Да ты охренел.

Как видите, я пытался возражать. Краешком сознания я понимал, что двум пьяным очкарикам заявляться в Октябрьский ОВД в первом часу ночи – не лучшая идея. Но Тоха был неумолим как паровой коток.

– Счас или никогда, – пыхтел он и тащил меня за руку вперед по синусоиде. – Куй железо, пока молод. Вيني, види, пух!

Это для вас бред, а для квнщика – нормальная практически речь. В общем, он меня убедил, что идти к Андрюхе надо. Потом я его убедил, что мы идем не в ту сторону. Мы развернулись на сто восемьдесят градусов и пошли в отделение; самое смешное, что никому из нас не пришла в голову мысль идти к Андрюхе домой. Мы были уверены, что он в ОВД. С усталым и добрым лицом сторожит наш порядок и с нетерпением ждёт наших смутных подозрений касательно Свана.

Оперативный дежурный не сразу понял, чего хотят от него два очкарика. Как-то не вязались у него в голове наше игривое «Тонхоноич» и образ старшего лейтенанта милиции А.Тонхоноева. В конце концов, он попытался нас оштрафовать на пятьсот рублей.

Почему именно на пятьсот? Этого я не знаю до сих пор.

– Без проблем, – бодро сказал Тоха. – Ща всё решим. Деньги есть?

– Нету, – сказал я искренне.

– А у тебя? – обратился Тоха к сержанту, сидевшему в дежурке за пультом.

Тонхоноич забрал нас через два часа и увел домой, благо жил неподалеку.

– Скажите пожалуйста, – бурчал он, пока мы шли по ночному городу. – Забаву нашли. Делать мне нечего, как в три часа ночи с каталажки вас вытаскивать.

Мы помалкивали, чувствуя себя не совсем правыми.

И лишь полчаса спустя, когда мы сидели и пили чай, Тоха не выдержал.

– И чего там с бомжами?

– Какими бомжами? – Андрей вопроса не понял.

– Ну мудака там ходил.

В тот момент мне действительно казалось, что после моей реплики всё станет предельно ясно. Андрей посмотрел на меня и решил сделать вид, что не услышал.

– С бомжами как обычно, подняли три трупа.

– Да не про трупы. Мы про живых. Которые жаловались, – Тоха, когда пьяный, бывает очень настойчив.

– А-а. Да фигня эти бомжи. Ну, походили опера по району, поспрашивали. Это ж народ такой, толком сказать ничего не могут. Перестал он к ним ходить, в общем.

– Разлюбил, значит, – сказал я.

– А вот трупы интересные, – сказал Тонхоноич, игнорируя мой тонкий юмор. И замолчал.

– И чего в них интересного? – спросил Тоха.

– У них раны, – сказал Тонхоноич.

– У трупов раны, – мечтательно сказал Тоха. – Как необычно.

– Короче. Идите спать! – Похоже, мы всерьёз его достали.

Мы пошли спать.

У кого-то может сложиться впечатление, что в этот год мы только и делали, что бухали и отслеживали Свана. Это не совсем так. Вернее, это совсем не так. Я в тот период активно ухаживал за Ольгой, ныне любимой женой, Тоха всю зарплату зарабатывал репутацию бешеного копирайтера, а команда наша пёрла победным маршем по казанским полям Первой лиги. Просто, как позже выяснилось, это было не главное.

Совсем не главное.

Трупы действительно оказались интересные; это нам Тонхоноич наутро рассказал, когда подобрел. Настолько интересные, что мы с Тохой, друженько отзвонившись на свои работы, пошли к нему, в Октябрьский ОВД. Я уже не помню, как точно звучали эти формулировки, хотя потратил часа три, прилежно переписывая избранные места из различных заключений.

Если коротко, то раны эти выглядели... Понятнее всех нам объяснил это наш друг и сокомандник по прозвищу Шах, фельдшер скорой и добродушный циник. Если бы у них из спины росла лишняя пара рук, сказал он, и её бы отрезали, это бы выглядело точно так же. Вот. Ушли мы от Тонхоноича в обед. Чувствовал я себя препаршиво. Но не из-за этих трупных подробностей.

Я с похмелья жрать хочу до дрожи, а не могу. Вдобавок я был невыспавшийся.

Поганое состояние.

– Слышь, – говорит Тоха. – Они, по ходу, милицию вызвали.

– Кто они? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает Тоха.

– Наш враг безлик, наш враг незнаем, могуч, велик, неосязаем, – бормочу я.

– А с другой стороны, – говорит Тоха. – Что в этом было плохого?

В самом деле, что в этом было плохого? Но тогда мы об этом не думали.

– Это Сван, – сказал Тоха. – Больше некому. Сван.

Разговор этот происходил уже в июле. Жара стояла такая, что асфальт под ногами плыл и продавливался. Люди изнемогали от жары. Выпитый квас тут же выступал потом. По вечерам и на выходные весь город срывался к воде.

Слишком много света, слишком много тепла.

Мы сидели в летнем кафе. Пили кока-колу. Это в подтверждение тезиса, что мы не только бухали.

– Давай попробуем по-другому, – сказал я. – Такой чисто маркетинговый подход. Зачем – ему – это – надо?

– Откуда я знаю, – сказал Тоха. – Не я же гений.

– Значит, штурмуем, – сказал я. – Принимаются все идеи. Даже самые бредовые.

Тоха замолчал минут на пять. А потом сказал: ангелы. И я как-то сразу его понял. Сван, сказал Тоха, это тот, кто строит рай на земле, и нечего корчить такую рожу. Да, сказал я, а тот, кто умеет летать – это ж ведь практически ангел, а что? Ну в общем да, отвечали мне, ведь способность летать – она, возможно, дает новое измерение не только твоим движениям, но и чувствам, и даже, возможно, мыслям. Ну а если, спросил я, предположить, что он тупо хочет нобелевку? А? Да ладно тебе, ответил Тоха, ангелы всяко круче нобелевки! И вообще, раз ангелов нет, (а их, по-видимому, таки нет, вставил я) то их надо создать! А как же бомжи, сказал я потише, они же тоже люди. Какие люди, окстись, сказал Тоха, что в них есть человеческого? Душа, сказал я. Слышал уже, ответил Тоха. Сами выбрали, сами умерли, добавил он.

– Это не штурм, – сказал я.

– А что?

– Это узконаправленный бред двух фашиствующих недоинтеллигентов.

– С левитальной фиксацией, – добавил Тоха. – С левитальной и суицидальной.

– Но выяснить надо, – сказал я.

– Выясним, – заверил Тоха.

И мы начали разрабатывать План.

Вот к чему приводит избыток света и тепла. Люди начинают строить Планы.

ТЬфу.

Наладить слежку и систематический сбор информации. Завязать знакомства в БНЦ. Мониторить сплетни. Четкое взаимодействие, четко разделенные обязанности, четко опреде-

ленные этапы. В общем, план был блестящий, и, подобно множеству других блестящих планов, реализовываться не спешил.

– Это и правда был хороший план, – говорит Тоха.

– Кто ж спорит, – говорю я.

А потом наступил сентябрь. Студенты, студентки, желтые листья, прохладный прозрачный воздух и добродушно-огромный Шах, сообщающий нам самую удивительную новость в нашей жизни.

– ... крылья, как у бабочки, только обломанные, торчат из спины. Самое интересное, что вид у него вполне такой... довольный. Человек-мотылек, – Шах засмеялся. – И, кроме крыльев, еще непонятная железа вживлена.

– А отчего он умер? – спросил Тоха.

– Непонятно. Похоже, что от истощения. Но ухоженный.

– Что значит ухоженный? – спросил я.

– Ну чистый он, – сказал Шах. – Кожа без угрей, шрамов, болячек. Волосы аккуратно подстрижены. Нормальный такой, в общем, человек. Если не считать этой железы.

– И крыльев, – сказал Тоха.

– Ну да, – сказал Шах. – И крыльев.

Такой вот штрих: сам Шах ничего такого особенного в этом не видел. Фершал скорой помощи, видали мы всякое. И покровавее, и подраматичнее. Крылья да крылья.

Хотя фантастику читает, натурально, килограммами.

– Вот потому они и не жалуются, и не сбегают от него, – сказал Тоха, наблюдая, как Шах лезет в карету скорой помощи, весь такой большой, в белом халате, с засученными рукавами, похожий на врача-садиста.

– Потому что он большой и страшный? – сказал я, глядя на отъезжающую неотложку.

– Нет. Это алкогольная железа. Она вырабатывает алкоголь, а они бомжи. Что им еще надо? – сказал Тоха. Без особой горячности сказал.

– То есть...

– Конечно. Сван. Кто же ещё.

– Доктор Зло, – сказал я.

Тоха повернулся на каблуках и уставился на меня. Так смотрел он на меня с минуту, а потом сказал:

– Не знаю. Не уверен.

Мы начали собирать информацию.

– А вот интересно, – говорит Тоха. – Они там в Европе думают, что мы тут зимой загибаемся. Скажешь «минус тридцать», так они сразу глаза выкатывают на лоб. А вот то, что влажность у нас низкая и мороз легко переносится...

– Ты это вообще к чему мне рассказываешь? – спрашиваю я.

– Да замёрз я чего-то, – говорит Тоха.

– Ох, – сказал Салават. – Неужели минус сорок? И как вы там живёте?

– Нормально живём, – ответил за нас всех Колька. – Ты лучше у якутов спроси, как они в минус пятьдесят в своем Якутске собак выгуливают.

– Нормально мы их выгуливаем, – сказал Малыга. – Собака скулить начинает еще в подъезде, потом скачками делает свои дела и обратно... Вся прогулка – секунд двадцать.

Мы стояли на вокзале славного города Казань. Это уже был ноябрь, первые числа. Мы с якутами уезжали с полуфинала, а татары нас соответственно провожали. Все слегка под газом, якуты на радостях, мы с горя, татары на правах провожающих хозяев.

В поезде не спалось. И мы с Тохой всю ночь разговаривали.

– Ладно, – говорил Тоха. – Мы вылетели в полуфинале. Хреново. Зато теперь мы с тобой можем взяться за Свана.

Разговор с самого начала принял некий трагический оттенок. Пролёт в полуфинале все же давил на нас. Помнится, мне все мнилось, что всё рухнуло. Мысли в голове бродили такие, вот, мол, шесть лет уже по лигам долбимся, и все насмарку. Так что мне было пофиг. Сван так Сван. Поспать все равно не удастся. На верхней полке храпел Шах. Я пишу просто – «храпел», но это слово здесь не совсем подходит, ибо для настолько чудовищных звуков человечество название еще не придумало. На другой верхней полке спал Колька, но его храп, по сравнению с шаховским, был нежен и даже казался мелодичным.

И мы начали разговаривать о Сване. Про него мы уже и впрямь знали очень много.

– Да только это было всё не то, – говорит Тоха. Из-за какого-то сооружения на крыше выглядывает кошка. Недовольно смотрит на нас и уходит.

– Ну да, – соглашаюсь я. Должность, семья, сколько получает, на что тратит, дети. Детей, впрочем, не было. Банк, номер счета, зарплатный проект. Футбол по субботам, сауна после футбола, участие в кассе взаимопомощи. Семнадцать статей, кандидатская.

До хрена всякой информации.

Единственное, на что не было ответа – откуда трупы?

– Коробан подъехал, – говорит Тоха.

Дальше события понеслись вприпрыжку. В первый же вечер по приезду мы пошли посмотреть на Свана. С противоположной крыши в выцганенный у знакомых бинокль, хороший бинокль, шестнадцатикратный. Сван ходил по квартире в халате, спокойный, уверенный.

– Всего-то десять дней его не видели, – сказал Тоха. – А как поправился.

На следующий день мы узнали, что Сван взял отпуск. Об этом нам поведал за кружкой пива коллега Свана, с которым мы специально познакомились на турбазе «Щучье озеро». Сван сказал на работе, что едет в Сочи. Через три дня мы поняли, что ни в какие Сочи Сван не поехал. Он вообще, судя по всему, не выходил из квартиры. Даже в магазин. Разносчики таскали ему два раза в день из «Пепино» пиццу, а он все так и ходил по квартире в халате, спокойный и уверенный.

На четвертый день он вышел из дома. В черном демисезонном пальто до пят.

Было шесть часов вечера, почти темно.

Он что-то чувствовал, потому что пару раз выкидывал трюк с отходящим трамваем. И оба раза мы Свана находили. Мы не профессионалы, но иногда удача весит больше, чем выучка. Так мы петляли за ним по родному городу часа два, пока не вернулись обратно к дому Свана. И тут мне пришла в голову мысль. Я не хвастаюсь – со мной действительно иногда такое случается.

– А может, есть путь попроще? – сказал я Тохе. Тоха в это время, как в плохом фильме, украдкой заглядывал за угол. Всё происходящее ему нравилось.

– Ты о чем? – спросил Тоха и передернул воображаемый затвор воображаемого пистолета.

– Мы хотели узнать правду, – сказал я.

– Так, – сказал Тоха хладнокровно.

– Та-ак, – сказал я. – Может, просто спросим?

– Свана?

– Свана.

– Бесперспективняк, – аккуратно выговаривая слога, сказал Тоха. – Не признается. Я бы не признался. Это ж трупы.

Тоха снова выглянул за угол, высунулся до пояса: "Куда он делся? А-а! Домой зашел". И всунулся обратно.

А мы пошли в бар согреться. Через час мы были уже вполне горячие восточные мужчины. И решили перед сном еще раз глянуть на Свана. Как он там в своей квартире.

И сразу же наткнулись на него. Десяти шагов пройти не успели.

– А-а, – сказал Тоха. – Привет, Слава.

– Здравствуйтесь, Вячеслав, – сказал я. – Вам не холодно? В такую-то погоду в таком-то пальто.

И фраза эта подействовала странным образом. Сван неожиданно ударил меня в лицо, пнул Тоху и побежал.

– Ты как?

Я был в порядке. Это просто особенность моего организма. Если мне попадают в нос, то у меня обязательно течет кровь. Сколько раз я из-за этого казался пострадавшей в драке стороной – и не сосчитать. В общем, Тоха мне сунул свой платок, чем, помнится, сильно меня поразил (платок?! у него?!), и мы побежали за Сваном.

Сван бежал ботанически неловко, но целенаправленно. Мы бежали следом, испытывая значительные трудности. Совет: когда затеете погоню за кем-либо, делайте это трезвыми. Нетрезвое состояние сильно увеличивает пройденный путь. Неожиданно Сван прибавил ходу и кинулся к дому, на мой взгляд, точно такому же, как и остальные.

– А я понял, – говорит Тоха.

– Ну объясни, – говорю я.

– А вокруг этого дома деревьев почти нет.

Я молчу, переваривая полученную информацию.

– А чьи это там шаги на лестнице? – говорит Тоха, прислушиваясь.

– А это нас арестовывать идут, – отвечаю я механически.

По подъездной лестнице летели вверх, хватаясь судорожно за перила, собирая извёстку со стен и спотыкаясь о ступеньки.

– Счас, – хрипел я. – Припрём его на пятом этаже.

Фигушки. На пятом этаже нас ждал распахнутый люк, и мы полезли туда. Я лез первым, даже не думая, что могу получить каблуком по башке. Храбрый, глупый, юморной – это всё я.

Залязгали подкованные каблуки по лестнице, ведущей на крышу.

– Как удобно, – говорю я. – Счас нам помогут спуститься.

– И даже куда-нибудь отвезут, – откликается Тоха.

Когда мы вылезли на крышу, то сразу увидели Свана. Он стоял на самом краю. Неторопливо скинул пальто и бросил его под ноги. Крылья. Огромные, нелепые, страшные. Сван потряхнул ими раз, другой.

– Сван! – крикнул Тоха.

Сван, не оборачиваясь, шагнул вперед.

И исчез.

А мы остались на крыше.

Попивая коньяк, трепясь и глядя на звезды, которые почему-то стали чуть ближе, чем ранее.

Утро, наверное.

Из протокола задержания.

«... задержаны на крыше здания по ул.Тобольской, 17. Будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, громко кричали и кидали вниз бутылки, что и послужило причиной вызова наряда. При задержании сопротивления не оказали...

...Также на крыше было обнаружено пальто черного цвета, 50-го размера, не принадлежащее никому из задержанных...

...нарядом была осмотрена территория вокруг дома №17 по ул. Тобольской. Трупов и следов падения не обнаружено».

Никита и человечки

Когда тебе девять лет, лето – это хорошо. Лето, впрочем, и в тридцать лет – хорошо, и в сорок.

Но уже не так, как в девять.

Вот только если все твои друзья разъехались, и ты остался в городе один, лето теряет половину своей прелести. Что толку в том, что у тебя полно времени для того, чтобы купаться, играть в футбол, просто трепаться о чём-нибудь, если делать это не с кем?

Зато есть дед.

С дедом Никите, конечно же, повезло. Не каждому достается такой хороший дед, какой был у Никиты. Во-первых, Тимофей Николаич был моряком. Не капитаном, конечно, но штурман – это тоже неплохо. У штурмана тоже есть китель, фуражка и возможность привезти из дальних стран кучу всяких интересных вещей для будущего внука. Во-вторых, дед-штурман знал кучу разных историй. Правда, Тимофей Николаич мог прервать рассказ на самом интересном месте и сказать: «Остальное, когда вырастешь!» или «Эх, мал ты еще такие истории слушать!» или «Эх, хорошо с тобой Никитка, одна беда – не пьешь ты!». В-третьих, у деда, как вам уже, наверное, ясно, в доме была куча разных предметов морского назначения. Кроме упоминавшихся уже фуражки и кителя это были, прежде всего, традиционный бинокль, не менее традиционный компас, бутылка из-под кубинского рома и большой складной нож. Складной нож – это, конечно, не кортик, но Тимофей Николаич утверждал, что нож был куплен им в Амстердаме на настоящие голландские гульдены и бывал с ним во всех плаваниях. Надо ли кому-то объяснять, какая это ценная вещь – хороший остро наточенный складной нож? По моему, никому это объяснять не надо.

Маме дед-штурман нравился не очень. Она не очень охотно отпускала сына к Тимофею Николаичу, но с другой стороны, будем справедливы – всё-таки отпускала. Что делать, если вы супервайзер активно развивающейся фирмы по производству сладостей, и ваш рабочий день длится от восьми до двадцати ноль-ноль. Поневоле приходится полагаться на деда-штурмана.

С годами это отчего-то становится трудновато делать – навещать друзей, родственников. Всё, знаете ли, как-то некогда. Дела, заботы, просто неохота. А в девять лет это просто: сел на трамвай и поехал. Лучше делать это с утра, пока солнце еще не нагрело вагоны, и город за окном кажется чистым и свежим.

Трамвай неторопливо прогромыхал мимо рынка, мимо парка, по мосту через реку. Двадцать минут такого громыхания, и вот уже кондуктор объявляет: «Дедушкина остановка!». Конечно, он говорил совсем другое, но Никите слышалось именно так.

Он вышел из трамвая и прищурился.

Солнце.

Вприпрыжку пересек улицу. И еще издали увидел, что около дедушкиного дома творится какая-то вялая суматоха. Японский автокран длинной своей рукой подавал что-то на крышу, а на ней личности строительного вида уже вовсю орали что-то вроде «Вира помалу! Куды прёшь! Полегче!». Суматоха была вполне объяснимой – прямо по центру шиферного ската видна была здоровенная дыра. Довольно странная, скажу я вам, дыра. Нечасто можно увидеть дыры с такими ровными краями. Я, как человек взрослый и повидавший много дыр, сразу бы обратил на это внимание, а вот Никита этой странности не заметил. Куда больше его внимания забрал кран, поскольку японский кран «Като» – это, конечно, вещь. Красный, ладный, с длинной стрелой, очень хорошо сделанный; такие вещи очень нравятся тем, кто в них разбирается – и детям.

Вдоволь наглазевшись на кран, Никита поднялся по лестнице на пятый этаж и постучался секретным стуком в хорошо знакомую дверь. Потом, лет через пятнадцать, Никита узнает, что его с дедушкой секретный стук был ни чем иным, как коротеньким сообщением «Это я», которое он выстукивал морзянкой.

Дед открыл почти сразу.

– Ну, привет, – сказал Тимофей Николаич, с удовольствием глядя на внука.

– Привет, деда, – сказал Никита.

Было примерно полпервого, когда Никита вышел из подъезда дедового дома, размахивая авоськой. Причина этому была проста.

– Кому нужен внук, которого нельзя послать за хлебом? – вот такой простой вопрос задал Никите дед перед обедом, и Никита с дедом согласился, потому что, действительно, никому такие внуки не нужны.

Во дворе было тихо. Безмолвно стоял японский кран «Като», раскинув блестящие красные с блестящим лапы опор, не орали на крыше рабочие – надо полагать, по причине своего ухода на обед. Никита, уже заворачивая за угол, зачем-то посмотрел на крышу и замер, потому что увидел, как в глубине дыры полыхнуло бледным светом. Полыхнуло и пропало. На пожар это было не похоже, потому что там, где огонь, там должен быть дым, а тут никакого дыма и в помине не было.

Чтобы вы сделали в такой ситуации? Я бы позвонил в МЧС, мой друг Слава написал бы в честь этого неплохое стихотворение, а Никита постоял немного и пошёл, куда шёл, то есть за хлебом. Вот такой он был мальчик, немножко тугодум, но в целом очень неплохой, с открытой улыбкой и черными глазами.

Но будет неправдой сказать, что бледный свет в глубине дыры его совсем не заинтересовал. Просто Никита решил, что сначала сходит за хлебом, а уж потом заглянет на крышу. Дед хоть и добрый, но обедать без хлеба не любит.

Хороший план, а не сработал. Когда Никита шёл назад, на крыше уже снова орали рабочие, и «Като» ворочал в небе длинной своей рукой. Странное дело, если сначала бледное пламя всего лишь слегка заинтересовало Никиту, то теперь, когда попасть на крышу стало затруднительно, Никите до смерти захотелось посмотреть, что же такое там произошло.

Для того чтобы сделать это, Никите пришлось осуществить целый ряд действий. Сначала он позвонил маме на работу и попросил разрешения заночевать у деда. Мама подумала, что имеет, в конце концов, право на личную жизнь, и такое разрешение дала. Потом Никита сел и придумал план. План был такой:

- а) дожждаться вечера,
- б) дожждаться, когда заснёт дед,
- в) проникнуть на крышу,
- г) там видно будет.

День тянулся очень долго. Когда тебе девять лет, день и без того длинный-предлинный, а если ты ещё чего-то ждешь, то тогда день тянется как жвачка. Наконец вечер наступил.

Дед уснул.

Никита тихонько взял с полки в дедовой комнате складной нож, потрогал пальцем лезвие – острое. Вспомнил совет деда: в море самое главное – иметь запас пресной воды. Тут конечно не море, но тоже приключение. Никита на цыпочках прошел на кухню и набрал в литровую бутылку из-под кока-колы воды из чайника. Подумал и вынул из столешницы кухонного стола карманный фонарик. Щелкнул кнопкой – работает. Сунул бутылку и фонарик в сумку. Все так же крадучись пробрался в прихожую и покинул квартиру.

За окном было уже темно, а в скудно освещённом подъезде – еще и страшновато. Плохо без друзей. Ночью на чердак лучше всего идти с друзьями, но что делать, если сейчас их рядом

нет. Ни Кольки, знаменитого своим старшим братом Михалычем, ни Ромки по кличке «Рома Два Раза».

Никита поднялся на пятый этаж. На самой верхней лестничной площадке к стене была приделана железная лестница, которая вела вверх. Сверху она упиралась в люк. Никита благополучно добрался до люка и убедился, что тот заперт. Оставалось еще три подъезда.

Незапертый люк обнаружился в крайнем подъезде. Подъезд был немного неприятный: грязный, с окурками на ступенях, с одинокой лампочкой на втором этаже.

Никита добрался до пятого этажа и увидел в потолке чёрный провал открытого люка. Еще раз пожалел, что нет рядом Кольки с Ромкой, и полез на чердак. На чердаке было ещё страшнее, чем в подъезде: темно, откуда-то – видимо, из дыры – тянуло прохладой, под ногами хрустело непонятное. Никита тихонько двинулся в сторону дыры, и через пять шагов стукнулся лбом о стойку. Нить особого смысла не было, поскольку Никита был один, и поэтому исследователь чердаков просто потёр ладонью лоб и двинулся дальше. Шёл он теперь намного осторожнее, чем до встречи со стойкой, и даже выставил вперед руку. Но если день не задался, то все равно что-нибудь случится. На этот раз это был обрывок какого-то провода, в котором запуталась нога.

Лёжа на огромном, бескрайнем и темном чердаке, Никита всерьёз задумался о возвращении, потому что на этот раз было намного обиднее и больнее. В бок что-то упиралось, и хотелось чихнуть. Чихать Никита отчего-то побоялся, а вот в бок, как выяснилось, упирался фонарик. Последнее обстоятельство сразу взбодрило исследователя чердаков. Он торопливо вынул фонарик из сумки, нажал кнопку, и бескрайний чердак сразу обрел границы. Как это часто бывает, Чердак, Освещённый Фонариком, оказался не таким страшным, как Чердак Тёмный, но и не таким интересным. Там и сям виднелись кучи строительного мусора, валялись пустые бутылки, а возле нетронутой дыры лежали ещё пачка толстой обрезной доски и пачка шифера. Никиту немножко удивило, что такое большое количество крика и суеты привело к таким незначительным последствиям. Никита постоял возле дыры, потрогал рукою ровные, словно обработанные напильником края.

Делать на чердаке было решительно нечего. Приключение оказалось неинтересным.

Никита вздохнул и побрел обратно к люку.

Впереди ярко и беззвучно полыхнуло. Никита зажмурился, потом открыл левый глаз, чуть погодя правый. Перед глазами плавали красивые разноцветные круги. Жара не было. Дымом не пахло. В глубине чердака, почти около открытого люка стояло что-то большое, округлое и неярко светящееся медленно гаснущим светом. Перед отважным исследователем чердаков встал выбор: идти, невзирая на большое и непонятное возле люка, или не идти. Подумав, Никита решил, что надо идти. Сделал несколько шагов.

– Стой, кто идет! Стой, где стоишь! Цурюк!

Никита остановился, но больше от неожиданности, чем от страха. Не такой это был голос, чтобы его бояться. Несолидный какой-то. Немножко даже писклявый. Интонации, впрочем, были очень серьёзные.

Никита осветил фонариком на голос. Что-то торопливо метнулось в разные стороны, и всё тот же голос заорал еще громче:

– Э! Ты чего? Дую спик инглиш? Ши хэнбши?

– Я ничего, – ответил Никита. Но фонарик на всякий случай выключил.

– Ага! – сказал всё тот же голос из темноты. – Русский язык. Ну точно русский. А ты сомневался! Ничего я не сомневался! Спорить еще будешь? Не буду, но я не сомневался.

Никита вдруг почувствовал, что страшно хочет пить. Было немного неудобно пить во время приключения, но, поразмыслив, Никита решил, что большого греха в этом нет. Вынул из сумки бутылку, отвинтил пробку.

– Э! Смотри! Охладитель! – снова заорал все тот же голос. – Ура! Дай нам! Дурак, не так! А, чёрт! Пожалуйста! Дай нам! Ну что тебе стоит! Так-то лучше.

Интересный такой был голос. Помимо писклявости была в нем ещё одна странность – иногда он звучал как бы с разных сторон.

– Вы имеете в виду воду? – осторожно спросил Никита. Ему уже не было страшно.

– Да! Канешна! Бинго! – снова заорали из темноты. – Воды! Воды! Аш два о!

– Пожалуйста, – сказал Никита. Машинально закрутив пробку, поставил бутылку на пол и отошел в сторону. Фонарик при этом включил и направил на бутылку. Довольно хитрый мальчик этот Никита, не находите?

А дальше произошло нечто удивительное. Из темноты в круг света выскочили маленькие зеленые человечки, ростом примерно с сотовый телефон «Нокия-6530», если поставить его на попа, ловко уронили бутылку на какие-то тоненькие... нитки, решил Никита, и потащили бутылку в темноту. К большому, больше человеческого роста, округлому объекту, который Никита для себя окрестил Кораблём.

Несколько минут ничего не происходило. Корабль уже почти перестал светиться. Потом неожиданно зазвучала... музыка, решил Никита, и от корабля отделился округлый предмет. Был он очень похож на Корабль, только поменьше и плыл, словно в луче света. Если, конечно, бывает луч света, способный осветить со всех сторон. Он остановился в двух шагах от Никиты. В обращенной к Никите стороне образовалось отверстие и оттуда вышло несколько зеленых человечков. Один из них, надо полагать, предводитель, вышел вперед и заговорил все тем же писклявым голосом.

– Уважаемый абориген! У вас есть ещё вода?

– С собой нет, – ответил Никита. Он присел на корточки, чтобы лучше видеть зелёных человечков и обнаружил, что лица у них почти как у людей, только какие-то неправильные, и что зеленые они не сами по себе, а это просто такая форма. Услышав ответ Никиты, человечки заметно приуныли.

– Но я могу принести еще, – поспешно сказал Никита. Отчего-то ему не хотелось, чтобы человечки огорчались.

– Позвольте сделать вам предложение, не лишнее для вас выгоды, – солидно сказал предводитель. – Значит, вы дадите нам ещё воды, а мы дадим вам хурзямриков.

– Хурзямриков? – переспросил Никита.

– Да, – торжественно подтвердил предводитель. – По два хурзямрика за каждую ... бутылку! А всего нам надо 5 бутылок. Только побыстрее. А то мы уже сделали два аварийных сброса. Пожалуйста, – немного невпопад добавил предводитель.

– А что такое хурзямрики? – спросил Никита.

– Это такой ... э-э-э ... скот, – сказал предводитель. – Без них невозможен зямринг.

– Зямринг? – переспросил Никита.

– Ну зямринг, зямрение... Шучу, шучу. Субъядерный биосинтез без них невозможен.

Никита подумал и сказал:

– Вы знаете, мне не нужны хурзямрики.

Лица человечков сразу потускнели.

– Я вам просто так принесу.

Сказав это, отважный исследователь чердаков вскочил на ноги и побежал к люку.

Не такое уж простое дело – ночью незаметно наполнить пять бутылок из-под кока-колы водой. Особенно если дедушка не пьёт газировку в принципе, и в его квартире нет пустых бутылок. Но если вспомнить, что воду можно наливать не только в бутылки – задача заметно упрощается.

Никита бежал по улице до четвертого подъезда с десятилитровой канистрой. Бежать было очень неудобно, но это было полбеды. Основная проблема возникла на лестнице, ведущей к люку. Попробуйте как-нибудь на досуге полазить по лестнице с наполовину наполненной канистрой в руке. И пусть вам будет девять лет. И тогда вы сами всё поймёте.

Из люка мягко струился неяркий свет. Никита успел устать, пока тащил канистру на пятый этаж, и поэтому лез по лестнице вверх медленно. Когда до люка осталась пара ступенек, он остановился передохнуть. Задрал голову вверх и увидел несколько десятков маленьких голов, торчащих по периметру люка. Никите стало стыдно, он поднатужился и уже несколько секунд спустя, тяжело дыша, поставил канистру возле Корабля. Чувствовал он себя кем-то вроде Гулливера в стране лилипутов. Большим и добрым.

Из Корабля к тем, кто ждал Никиту у люка, вывалилась толпа человечков, и они вместе развили бурную деятельность вокруг канистры. Вокруг корабля стало светло, хотя ни лампочек, ни фонариков Никита не увидел. Человечки подвели к канистре шланг, который присосался к стенке канистры.

Снова заиграла торжественная музыка. Предводитель со свитой подошел к Никите и сказал:

– Скажите, как вас зовут?

– Никита, – сказал Никита.

– Очень приятно, – сказал предводитель. – Я – командор экспедиции, и зовут меня... ну, скажем, Лев Николаевич. Мы были в беде. Вы выручили нас. Вы дали нашей жизни новый смысл. Мы перед вами в долгу. Вы согласны с этим?

Говорил он неторопливо, с паузами.

– Ну, наверно, согласен, – сказал Никита.

– Наверное? – удивился предводитель. – Вы должны это точно знать.

– Тогда, согласен, – пожал плечами Никита.

– Тогда примите от нас вот эту вещь.

Командор протянул Никите что-то вроде тонюсенького провода смотанного в бухту.

– Вы можете носить это как браслет, – пояснил Лев Николаевич.

– А он не порвется? – спросил Никита, осторожно приняв подарок на протянутую лодочкой ладошку.

– Ни в коем случае, – заверил командор. – И еще... с вами будет Петька. Вы не возражаете?

– Петька? – удивился Никита.

– Да, Петька, – сказал еще один человечек голосом командора.

– А почему вы говорите одинаковыми голосами? – спросил Никита.

– Со временем мы выучим ваш язык и перестанем пользоваться трансляторами, – пояснил командор.

Никита спал как убитый. Вы бы тоже спали как убитый, если бы легли в три часа ночи. Было девять утра, когда он, наконец, открыл глаза. На подушке прямо перед ним сидел Петька, скрестив ноги по-турецки, и не мигая смотрел на Никиту.

– Привет, – сказал Никита.

– Доброе утро, – вежливо ответил Петька. Вид он имел боевой. Очень сильно походил на миниатюрного Шварцнегера.

– Никита! – из соседней комнаты крикнул дед.

– Что, деда? – откликнулся Никита.

– Езжай домой, мать звонила, просила приехать.

– Ладно.

– Есть будешь?

- Не. Неохота.
- А вот это зря, – строго сказал Петька. – Кушать всегда надо.
- Ну неохота если, – оправдывающимся тоном сказал Никита. – Ладно, пойду помоюсь.
- А это не опасно? – спросил Петька.
- Кому не опасно? – удивился Никита.
- Вам.
- Можешь говорить мне «ты», – сказал Никита.
- Ты, – тут же сказал Петька и неожиданно улыбнулся.

Никита оделся, помылся. Для этого ему пришлось пронести Петьку с собой в кармане в ванную – Петька лично желал убедиться, что там не опасно. Там Никита поставил карманного Шварца на зеркальную полку, и некоторое время с удовольствием наблюдал, как тот разглядывает свое изображение в зеркале.

– Никита, я так понял, что ты куда-то собираешься? – не переставая себя разглядывать, спросил Петька.

- Угу, – невнятно ответил Никита. Он чистил зубы.
- Это за пределами квартиры?
- Угу, – сказал Никита и сплюнул в раковину.
- Тогда мне понадобится дополнительное снаряжение, – задумчиво сказал Петька.
- Никита, – слышался с кухни голос деда. – Кто продырявил канистру?

Никита вышел во двор и не торопясь пошёл к остановке. Петька сидел сумке и вел себя прилично, только время от времени высовывал из сумки трубу походного перископа и обозревал окрестности. Именно он заметил приближающуюся опасность.

Если ты предаёшь друга, то не удивляйся, если друг нападёт на тебя. Есть такая поговорка у одного степного народа. Человек предал собаку – сколько их никому не нужных бегают повсюду.

Вот одна из таких бездомных собак и неслась сейчас на Никиту. Ладонки у Никиты сразу стали влажными, и сердце сильно забилося в груди. Он почувствовал, или показалось ему, что браслет на руке чуть-чуть потеплел.

Я, впрочем, не уверен, что собака хотела на Никиту напасть. Это была обычная не очень крупная лохматая дворняга. Может быть, она просто бежала по своим собачьим делам мимо Никиты, но этого мы никогда не узнаем, потому что из сумки, сжимая в руках какой-то... автомат, подумал Никита, выпрыгнул Петька. За спиной у него неожиданно выросли крылья, и он стал похож на маленького ангела. Петька мягко спланировал на землю – так, что оказался между Никитой и собакой. Крылья встали за спиной у Петьки торчком; он вскинул свой автомат. Собака удивленно остановилась перед неведомо откуда взявшейся преградой.

«Ду-ух!» – сказала оружие. Собака взвизгнула и лапой смахнула Петьку прочь. Почти одновременно с этим прямо из воздуха возник маленький Кораблик и завис между Никитой и собакой почти у самой земли. Из Кораблика посыпались человечки с автоматами в руках и сходу начали стрелять в собаку. Пёс отчаянно завизжал, замотал головой, крутанулся на месте, сшиб еще несколько человечков и крупными скачками понесся прочь.

Из кораблика вышел Лев Николаевич и громко скомандовал: «В шлюпку! Уничтожить угрозу для Никиты!». Человечки быстро стали прыгать прямо в обшивку, которая принимала и всасывала их с мягким причмокиванием. Миг – и все запрыгнули, еще миг – и шлюпка растаяла в воздухе. На асфальте остались лежать три человека и маленький ангел со сломанными крыльями.

– Никита, – сказал Лев Николаевич, – давайте положим моих соплеменников к вам в сумку. Нам лишнее внимание ни к чему. И не надо плакать. Если вы внимательно посмотрите на них, то поймёте – они умерли счастливыми. Я им завидую.

Никита взял Петьку на ладошку и осторожно перевернул его лицом вверх.
Маленький ангел улыбался.

Никита сидел на подоконнике и смотрел в окно. Окно было открыто, за окном были август и дождь. До начала учебного года оставалось пять дней.

– Никита, – сказал Генри Аббасович, глядя в компьютер, – не сидел бы ты у окна.

На мониторе мелькали кадры из «Храброго сердца». Генри Аббасовичу этот фильм очень нравился. Ему вообще нравились фильмы с героической тематикой. Лично я не вижу в этом ничего странного. В самом деле, почему инопланетянам не могут нравиться фильмы с Мэлом Гибсоном?

– А вот скажи мне, – начал Никита, аккуратно подбирая слова – вопрос этот мучил его давно, с самых похорон Петьки, – вот Петька меня тогда защищал от собаки. Сейчас вместо него ты. Ты тоже будешь меня защищать от собаки?

– Да, – сказал Генри Аббасович, – естественно.

– А если тебя собака загрызёт? – спросил Никита, подставляя ладошку под дождь.

– Это честь для меня, – ответил Генри Аббасович. Подумав, добавил:

– Ну и для неё, наверное. Я же всё-таки инструктор по тактике и боевым искусствам.

Никита сосредоточенно смотрел, как капли стекают по тоненькой нитке браслета и сры- ваются вниз.

– Слушаю, – неожиданно сказал Генри Аббасович. Никита посмотрел на него. Генри Аббасович бросил смотреть фильм, встал, вытянувшись в струнку, и вещал в пространство.

– Никак нет, не тонет. Просто высунул руку под дождь. В открытое окно. Я говорил ему. Хорошо. – Генри Аббасович ослабил правое колено, точь-в-точь как солдат по команде «Вольно» и сказал:

– Никита, ты бы все-таки закрыл окно, а? Лев Николаевич лично просил.

– Ладно, – сказал Никита и слез с подоконника.

В дверь зазвонили.

– Иду, – откликнулась Никитина мама, и, судя по звуку шагов, действительно пошла открывать дверь.

– Здравсьте, тетя Люд, Никита дома?

– Здравствуйте, ребята! У-у-у как вы подросли за лето!

И далее в том же духе.

– Прячься, – сказал Никита, и открыл верхний ящик письменного стола.

– Чего это я должен прятаться? – ошетинился Генри Аббасович.

– Слушай, я же не могу объяснять всем подряд, кто вы такие.

– Так бы сразу и сказал, – сказал Генри Аббасович и ловко спрыгнул.

В Никитину комнату вломились Колька и Ромка. Именно вломились, по-другому не ска- жешь. Первым, как всегда, Колька.

– Здорово, Никитос, – сказал Колька и крепко пожал Никите руку.

– Здорово, Колян, – ответил Никита.

– Привет, Никита, – сказал Рома, подумал и добавил, – ну в смысле здорово.

Колька плюхнулся на диван, оглядел комнату, словно был здесь впервые, и спросил:

– Что нового в городе? Какие тут у тебя без нас делишки были?

Никита посмотрел на Кольку. Потом на Ромку. Потом снова на Кольку. Помолчал и ска- зал:

– Ничего. Ничего интересного. Я ж тут один был.

Немного в сторону.

О том, почему инопланетян зовут Петьками и Екатеринами, Никита задумался много позже, и ещё позже выяснил, что сразу после того, как он им помог с водой, они всей колонией приняли земные имена и отчества и больше никогда своих старых имен не употребляли.

«Чтобы тебе было удобнее».

Очень простое объяснение для столь странного поступка, не правда ли?

– Завтра после обеда мы идем на свадьбу, – сказал Генри Аббасович. За прошедшие два года он сильно сдал. Если точнее – за последние полгода. Видимо, нелегко давалась ему эта работа – быть при Никите.

– К кому на этот раз? – спросил Никита.

– Екатерина Львовна выходит замуж за Эммануила Петьковича.

– Эммануила? Это который...

– Да, – сказал Генри Аббасович, – это сын Петьки.

– Генри, – сказал Никита, – ты чего грустный такой? Я вижу, ты что-то все грустнее и грустнее с каждым днем.

– Никита, – сказал Генри Аббасович, – Я грустный оттого, что, как выяснилось, я не очень хороший человек.

– Почему? – удивился Никита.

– Я завидую Петьке, – грустно сказал Генри Аббасович. – Вот судьба, достойная легенды. Мне не такой уж длинный век остался, а я ни разу за тебя не бился. А ведь долг прежде всего, я должен радоваться, что ты не подвергался опасности, а я думаю только о себе.

– Погоди, – сказал Никита ошеломленно, – а сколько вы живете?

– Примерно пять земных лет, – ответил Генри Аббасович. – А сколько тебе лет?

– Мне? – Никита замаялся. Как-то неудобно сообщать человеку, что ты уже прожил в два раза больше, чем тот проживет. – Мне одиннадцать.

– А сколько ты ещё проживёшь? – заинтересовался Генри Аббасович.

– Не знаю, – сказал Никита. – Наверное, лет сто.

– О! Тогда все понятно, – сказал Генри Аббасович.

– Что понятно? – спросил Никита.

– Человек, который живет так долго, может позволить себе быть и добрым, и справедливым. У него есть на это время.

Никита удивился. Такой поворот мыслей никогда ему в голову не приходил.

– А вы что же, недобрые? – спросил он.

– А мы просто живём, – сказал Генри Аббасович.

Оба замолчали.

– А сколько тебе лет? – спросил наконец Никита.

Так, чтобы не молчать.

– Три.

– Значит, ты проживешь ещё два года? – обрадовано сказал Никита.

Видите ли, когда тебе одиннадцать лет, два года кажутся значительным сроком.

– Нет, – сказал Генри Аббасович. – От силы полгода.

– Почему?

– Потому что, у нас другой цикл. В ваши сутки вмещается около одиннадцати с половиной наших.

– Ну и что?

– А то. Спать-то я должен? Должен. Но пока ты не спишь, я спать не могу. Приходиться пользоваться стимуляторами. А это сильно укорачивает жизнь.

Никита молчал. Смотрел на Генри Аббасовича, иногда хлопал ресницами и молчал. Я бы на его месте тоже не нашел бы что сказать.

– Зато сама жизнь становится прекрасной. Каждый мой день наполнен высоким смыслом. Это ли не счастье? – сказал Генри Аббасович. – Ладно, пойду схожу на кухню.

– Зачем? – спросил Никита.

– На тараканов поохочусь. Вёрткие твари! И не забудь, тренировка через полчаса.

Никита шел с тренировки по плаванию. Посещение бассейна было требованием Льва Николаевича. Он считал, что Никита должен быть сильным и выносливым.

Скрипел под ногами снег, светились квадраты окон. В боковом кармане сумки тихонько сидел Генри Аббасович, обозревая улицу в прибор ночного видения. Никита свернул за угол и нос к носу столкнулся с тремя ребятами. На вид им было лет по четырнадцать.

– Куда это ты так прёшь? – спросил один из подростков.

Никита молчал. Конечно, он слышал, что вот бывает – останавливают на улице и даже деньги отбирают. Кольку уже останавливали так, и Ромку. Ромку, само собой, уже два раза. А вот он в первый раз так попался.

Бежать вроде стыдно. Драться страшно.

– Чё молчишь? – сказал все тот же. – Не хочешь с нами побазарить? Не уважаешь нас? А чё так стрёмно? Старших надо уважать. Правда, Банан?

– Правда, – подтвердил подросток повыше.

– Деньги есть? – спросил третий. Самый низкий из компании. И самый деловой по всей видимости.

Никита молчал. А что тут скажешь?

Высокий словно нехотя стукнул Никиту в глаз. Больно не было. Просто словно что-то взорвалось в голове, и мир стал светлым и нечётким. Из сумки вылетел Генри Аббасович, сверкнули в сумерках белые крылья. Генри Аббасович начал стрелять ещё на лету. Охнул – пока ещё не от боли, пока еще только лишь от удивления – один из подростков. Все повторялось, все было как два года назад. Только вместо собаки были подростки, а вместо Петьки Генри Аббасович.

Генри Аббасович.

Вместо Петьки.

Никита закричал и кинулся вперед, беспорядочно молотя кулаками.

– Ах ты сука, – сказал кто-то. Кажется, низкий. Сильный удар в лицо заставил Никиту сделать шаг назад.

– Отставить огонь! – откуда-то сбоку...

«Откуда?» – подумал Никита.

... закричал Лев Николаевич. – Холодным оружием! Только холодным! Не навредите Никите!

Человечки вылетали откуда-то из-под ног Никиты и стремительно отстреливали веревки прямо в лица подростков, которые тут же словно присасывались своим концом к коже, к одежде – куда попадут. А маленькие черти уже лезли вверх по мальчишкам, на ходу кромсая одежду острыми лезвиями. Закричал Средний, он первым сообразил, что происходит что-то непонятное и страшное. Закрыв лицо ладонями, из-под которых тут же начало сочиться что-то красное, он побежал прочь, спотыкаясь и падая. Банан какое-то время отбивался от маленьких дьяволов, сбрасывал их и рвал, рвал и все никак не мог сорвать с себя веревочки, вцепившиеся ему в лицо и одежду. Никита увидел, как Генри Аббасович, взобравшись по присосавшейся ко лбу подростка веревке, в упор полоснул того по лицу клинком. Банан закричал, обхватил свое лицо ладонями, отбросил попавшего под руку Генри Аббасовича и кинулся вслед за своим товарищем.

Никита огляделся в поисках третьего. Третий просто лежал, уткнувшись лицом в утоптаный снег, обхватил голову руками и скулил. Слабость в ногах заставила Никиту сесть на снег.

– Догнать! – скомандовал Лев Николаевич. – Уничтожить!

– Нет, Лев Николаевич! – Никиту трясло. – Не трогайте их! Они больше не будут!

– Отставить! – тут же скомандовал Лев Николаевич. – Собрать павших. Поздравляю всех!

Никита, что за манера плакать по всякому поводу? Завтра у нас двойной праздник! Похороны и свадьба!

– Сколько? – с трудом спросил Никита.

– Что сколько? – не понял Лев Николаевич.

– Сколько... похорон?

– Лейтенант! – крикнул Лев Николаевич.

К нему тут же подбежал бравый Эммануил Петькович.

– Слушаю, командор!

– Сколько у нас павших?

– Пятеро. Один из них особый. Никита задавил Егора Кианыча в драке. Одной левой! – с видимым одобрением глянув на Никиту, добавил Эммануил Петькович.

Откуда-то из темноты, опираясь на клинок, как на костыль, приковылял Генри Аббасович – рот до ушей, лицо в крови, и обломки крыльев за спиной.

– Никита! Ах, здорово! – крикнул он, забираясь на ладошку, подставленную Никитой. – Ты видал, как я его по лицу?

– Никита, – сказал Лев Николаевич. – А что делать с этим? – и чем-то вроде лазерной указки показал на скулившего ничком в снегу подростка.

– Ничего не надо, – сердито сказал Никита. Он уже перестал плакать; сказать по правде, он был ужасно рад, что Генри Аббасович уцелел. – Пусть живет.

– Что ж, воля твоя, – сказал Лев Николаевич. – Но я бы его уничтожил. Сколько ему лет?

– Я не знаю, – сказал Никита. – Лет четырнадцать, наверное.

– Вот видишь, – сказал Лев Николаевич. – Четырнадцать лет, а ничего не понимает. Небо коптит только.

Немного в сторону и позже.

Потом Никита в первый раз в своей жизни был на похоронах. На первые, похороны Петьки, его просто не пустили: Лев Николаевич успел сообразить, что Никита все-таки ребенок, пусть даже очень большой и старый. Но в этот раз случай был совершенно особый. На похороны Командора Никита был настоятельно приглашен. Это был первый и последний раз, когда он видел всё население колонии целиком.

Праха Льва Николаевича, запаянный в металлическую пирамидку, всегда стоял у него на столе.

Никита сидел на подоконнике и смотрел на улицу. На улице был май, замечательный месяц май, словно специально созданный для тех, кому четырнадцать.

– Никита, ты отдохнул? – спросила Мария Клавдиевна.

– Ещё немножко, – рассеяно ответил Никита. В самом деле, заниматься в мае, когда вечера длинны и полны мягкого тепла, когда нежная зелень деревьев наполняет город тонким ароматом, почувствовав который, останавливаешься... и полной грудью вдыхаешь воздух наступающего лета. Нет, это очень тяжело, скажу более, это почти невозможно. А если тебе четырнадцать!

– Никита, неделя до конца года, а четверку по английскому мы так и не исправили. Николай Львович тебе, конечно, ничего не скажет, а нам нагорит.

– Действительно, Никита, нехорошо получается, – солидно сказал Антон Петрович. – Он нас наругает и будет прав. Нас всё-таки целый педагогический коллектив, а мы не можем с тобой справиться.

– А как вам с ним справиться, – удивился Эммануил Петькович. – Сравнили тоже. Это ж Никита.

– Антон Петрович, вам-то чего переживать, – сказал Никита. – По физике же у меня пятёрка.

– А Марию Клавдиевну, пусть, значит, ругают, – ядовито сказал Антон Петрович. – Пусть её пропесочат как следует. Ты этого добиваешься? Чтобы её премии лишили? И потом, я как-никак всё же директор школы. И согласно должностной инструкции я просто обязан переживать.

Никита смотрел на малюсенького сердитого педагога и – странное дело! – чувствовал себя виноватым.

– Ай эм Сорри, Мария Клавдиевна, чего-то я не подумал, – сказал Никита. С окна, однако, при этом не слез.

– Нет, ну чего вы к нему пристали, – сказал Эммануил Петькович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.